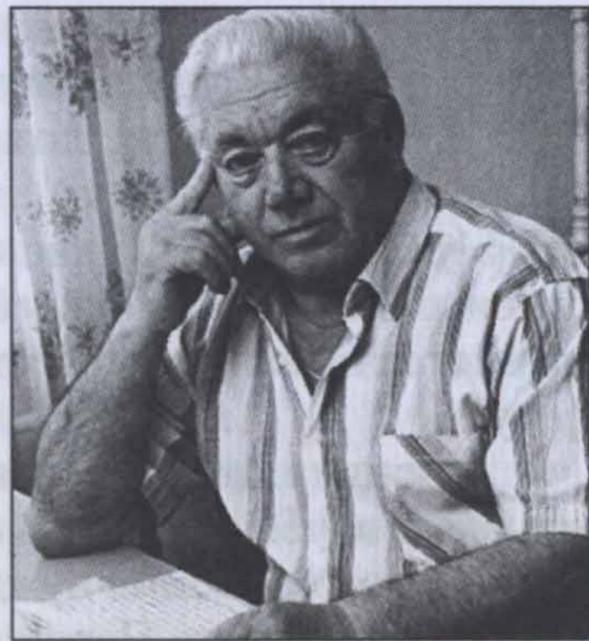

Геннадий Фролов

(1933–2011)

Геннадий Константинович Фролов родился в пос. Чагоян Шимановского района Амурской области. В 1938 г. отец его, работавший пекарем в с. Александровка Мазановского района, был репрессирован и приговорён к высшей мере наказания. Мать, как жену врага народа, в том же году с четырьмя малолетними детьми выслали на поселение в Хакасию. Позже Геннадия и Георгия, средних братьев, из Хакасии вывезли к себе в Амурскую область родственники, чтобы помочь матери сохранить детей. Геннадий воспитывался в семье брата матери М. Г. Строкачева. С началом войны дядю призвали в армию в Куйбышевку-Восточную (ныне Белогорск), а через какое-то время мачеха, вручив пасынку записку с адресом войсковой части, посадила его на поезд, идущий в Куйбышевку. С 1942 г. и до конца войны Геннадий был сыном полка по месту службы дяди. Об этом периоде жизни подробно написано в автобиографической повести «Доля». В конце 1944 г. командование полка оформило документы для зачисления Геннадия в суворовское училище, но в начале 1945-го из Хакасии вернулись домой мать с братьями, и вопрос, куда ехать — в училище или домой, — решился, конечно, в пользу семьи.

В 1952 г. Геннадий Фролов закончил Благовещенское ремесленное училище речного флота, получив профессию судового машиниста. Служил в армии, затем работал в Амурском речном пароходстве маслёнщиком, судовым машинистом, на руднике треста «Балейзолото» горнорабочим-откатчиком, в геологоразведочных экспедициях воротовщиком, промывальщиком. С 1968 г. жил в Свободном. Закончил Амурский кооперативный техникум, работал на предприятиях торговли экономистом, экспедитором, бригадиром грузчиков. Долгие годы был неосвобождённым председателем профкома Свободненской базы ОПС, имел высокий авторитет среди рабочих. Автор нескольких книг прозы («Доля» — 1999, 2001; «Родина» — 2003; «Золотая проба» — 2006; «Судьбы тяжёлые тропы» — 2010). В апреле 2002 года принят в Союз российских писателей. Печатался в журнале «Дальний Восток», в альманахе «Приамурье», тесно сотрудничал со свободненской газетой «Зейские огни».

Рассказы

Рассказ штрафника

— На фронт я попал, когда наши первую спесь с немцев уже сбили. Шла вторая половина сорок второго года, — рассказывал мне кряжистый, с обветренным, цвета печёного яблока лицом, испещрённым глубокими морщинами, с пролегающим через всю щеку, от виска до подбородка, шрамом, бывший сержант. — Вот ты, молодой, спрашиваешь: страшно ли было? Конечно, страшно. Только у психически больных страха не бывает. Правда, в этом первом бою у меня и выбора-то не было: страшно не страшно, но назад не побежишь — за спиной заградители. А они пострашнее немцев будут: чуть в сторону или назад — тут же уложат. Я же из штрафников, — вздохнул он и продолжил:

— Страх, вообще-то, чувство оборимое. Только одним и жизни не хватает на его преодоление, а другие быстро осваиваются, загоняют, душат его в себе.

Таким легче. Они и в бой-то идут, как на работу, с незашоренными глазами. В том первом бою я в считанные секунды чуть было с жизнью не распрощался. Но, слава Богу, обошлось, и я не только выжил, но и амнистию на весь оставшийся срок получил. Правда, и ранение тоже. Шрам на щеке видишь? Это от того моего первого крещения остался.

Кинули нас тогда, чуть не прямо с колёс, под немецкую психическую пьянь. Были у них такие атаки — психическими назывались. Представляешь, прёт на тебя плотная живая цепь. Идут во весь рост, рукава засучены, стреляют, орут, песни горланят, на губнушках, аккордеонах безо всякого страха играют. Пьяные потому что. Огнём выбьем брешь в этой цепи, а она тут же затягивается, будто резиновая, и кажется — конца ей никогда не будет. Вот тут-то не у всех нервы выдерживают. Тут и свихнуться недолго, а то и назад, с криком «мама», рвануть под пули своих заградителей. С этих позиций ещё до нас такие же, как мы, штрафники выбили немцев. Но, как говорили наши отцы-командиры, они — немцы — пытаются вернуть их. Уж больно выгодные позиции, особенно для них. Вот сюда, на подкрепление этой штрафбатовской братии, нас и кинули.

Только это мы кое-как расположились, даже окопаться как следует не успели, а он уже тут как тут, начал нас своей артиллерией обрабатывать, прощупывать на прочность. После артподготовки сразу же бросил на нас своих психов в рукопашную. До этого я никогда ещё не был ни под артобстрелом, ни тем более в рукопашной, против психической атаки. Ну, думаю, Костя, пали барак — заканчивается твой не только лагерный, но и житейский срок. Уж лучше бы на зоне, мелькает мысль, с душой простаться, чем в этом пекле.

А один — такая бюргерская туша, — видимо, сразу настроился на меня, всё ближе и ближе. Огромный, рукава засучены, рот до ушей, что-то орёт не по-нашему. Чувствую: издевается гад! Но не то от воздействия его массы, не то от какого-то пьяного гипноза иду ему навстречу, словно кролик удаву в пасть. Иду как на заклятие, не помышляя не только о нападении, но даже об обороне. А он всё ближе и ближе. Из его орущей пасти уже доносится запах перегара. А почему он не стреляет? — проносится мысль. Рожок закончился, что ли? Так и есть. Вижу, как его указательный палец намертво застыл на курке. И вот он рядом, даже его щетина на лице, кажется, вся оцетинилась, а сам он ощерился в какой-то саркастической гримасе. Ещё мгновение и... Но что это? Он покачнулся, зашатался и неожиданно стал заваливаться прямо мне на штык. О спасение! — это наш раненый, через которого он только что перешагнул, вдруг приподнялся и резко, с колен, изо всей силы толкнул его в спину. Практически насадил мне его на штык.

С его падением с меня сошло противное оцепенение — страх. Дальше я уже делал всё осознанно, как на работе, с каким-то злым азартом — кто кого. За тот первый бой я получил и свой первый орден — Красную Звезду. Пятерых, как будет записано в представлении к награде, я завалил в том рукопашном бою...

— Дядя Костя, а с раненым, который вам помог, вы после встречались?

— Нет. Сразу, в той заварухе, было не до этого, а после боя искал, но ни среди погибших, ни среди раненых его не было. Видимо, с первой партией отправили в медсанбат.

Вдовья скорбь

Дожди, дожди, дожди. С липким снегом дожди. Просто дожди, морось. Серое, скорбное небо. Плачет небо, плачет земля. Плачут они по погибшим своим сыновьям, дочерям земли Русской. Плачет старая женщина-вдова с той войны — мать погибших своих сыновей. Шестьдесят лет с тех победных залпов прошло. Юбилейный год. Праздник. Но для неё, этой старой женщины, сегодня праздник не в праздник. Для неё он больше как день памяти, скорби, печали. Потому что она — жена и мать погибших. До сих пор до последней детали помнит она, как провожала мужа, а следом и двух своих близняшек-сыновей. А ещё помнит, как через два года, в день, когда на одного из близняшек придёт похоронка, в дом принесут и четвёртую повестку — на младшенького, последнего, Костика. Она много плакала в тот день. И было не понять, по кому больше: по тому, на которого принесли похоронку, или по тому, которого только завтра ещё будет провожать. А он, её младшенький, всё бодрился около неё, всё успокаивал:

— Не плачь, мама, я ненадолго — отомщу за Жору и вернусь. Вот увидишь, вернусь скоро. Ты же знаешь, что фрицы на всех фронтах бегут. Гонят их, мама, наши, скоро конец войне — вот увидишь.

Назавтра она проводила и его — последнего, Костика-младшенького. Осталась в доме одна. Теперь ей ничего не оставалось, как только ждать. И она ждала. Ждала их возвращения — оставшихся в живых. Ждала. Не дождалась. Вместо живых вдруг пошли похоронки — одна за другой. Сперва на Тиму — второго близняшку пришла: тоже, как и на Жору... смертью храбрых. Потом на самого — на Степана. А уже после войны, где-то через месяц после победных залпов, придёт и на Костика — последнего, младшенького. Тоже — смертью храбрых. И ещё будет написано в ней, что Константину Степановичу Русскому присвоено звание Героя Советского Союза — посмертно. Вот и всё.

Потом придут награды — на каждого отдельно, кто что заслужил. На самого пришлют два ордена Славы и медаль «За отвагу». Сегодня она вытащит их все из заветной шкатулочки. Протрёт бархоткой, погладит каждую награду и разложит на одной подушке — по старшинству. Сперва Степановы, потом Жорин орден Красного Знамени, за ними лягут Тимошкины — орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги». И последними — Котькины награды: Золотая Звезда Героя и орден Ленина. Отомстил младшенький за старших. Сполна, видимо, отомстил.

К каждой награде прикоснётся она губами — будто каждого поцелует, будто дотронется до каждого. Потом ещё раз погладит все вместе и, тяжело вздохнув, промокнёт платочком уголки глаз. Нет у неё больше детей. Внуков тоже нет — не успели сыны. Для неё они не погибли. И не погибнут, пока жива её память. Она так же будет ждать их, как ждала все эти шестьдесят победных лет. Дожди, жди, жди...

Май 2005 г.